

Ночь уже глубока. Я стою на крыше многоквартирного дома, лежу на узком холодном балконе и молча смотрю на звезды в небе. Никогда еще я не чувствовал себя так близко к ним — казалось, стоит протянуть руку, и я коснусь их. Сейчас же, стоило мне лишь перевернуться, как я мог бы сорваться вниз. Двадцать пятый этаж — при падении со скоростью один этаж в секунду мне понадобилось бы всего двадцать пять секунд, чтобы коснуться земли. Увы, тяжелый звук открывающейся железной двери балкона вернул меня к реальности. В следующее мгновение я оказался в теплых объятиях. Даже не гадая, я знал, что это он. Обняв его в ответ, я прислонился к его груди, прислушиваясь к сильному, уверенному сердцебиению, и вдруг почувствовал такое спокойствие... Даже если бы я умер прямо сейчас, я был бы самым счастливым человеком на свете.

— Ханьчэ, что с тобой? Что случилось? Почему ты не отвечал на звонки? — Глядя на такого молчаливого и хрупкого Ханьчэ, Чжо Аочэнь почувствовал, как сердце сжимается от боли. Его переполняло беспокойство, он не мог иначе. Он лишь крепче прижимал его к себе, стараясь передать всю свою силу и заботу.

— Чо, твой сегодняшний концерт прошел просто замечательно. Ты был великолепен. — Я чувствовал его заботу, я принимал его силу, но мое сердце уже не могло вернуться в состояние, в котором пребывало до вчерашнего дня. Некоторые вещи случаются, и этого не изменить. Я не мог сопротивляться неизбежному, поэтому... Чо, в дни, когда меня не будет рядом, пожалуйста, береги себя.

Выскользнув из его объятий, я с улыбкой посмотрел на него и, застав врасплох, украл поцелуй с его губ.

— Это награда для тебя!

— И это всё? Ханьчэ, какой же ты скупой, — дьявольски усмехнувшись, Чжо Аочэнь посмотрел на любимого, и в его глазах блеснул огонек страсти. Он склонил голову, накрывая губы Ханьчэ своими, а руки его не теряли времени даром: расстегнув мою одежду, нежные и горячие ладони начали блуждать по моему телу, гладкому, словно белый нефрит.

— М-м... Чо... — Там, где касались его руки, разливался жар. Я не мог сдержать стонов, прерывисто дыша. Внутри меня разгоралась невыразимая жажда, и я тихо прошептал: — Я... я... хочу...

— Я знаю, я дам тебе всё. Всё мое принадлежит тебе. — Не переставая целовать мочку уха Ханьчэ, он шептал слова любви, с предельной нежностью отвечая на каждое движение своего возлюбленного.

Страстная, сплетенная из желаний близость, тяжелое дыхание, стоны, нежные слова любви — всё это происходило под звездным небом, овеваемое ночным ветром на балконе.

После вспышки страсти, открыв глаза и уставившись в потолок, я на мгновение потерялся во времени. Не знаю, когда именно, но мы уже вернулись в наше теплое гнездышко. Повернув

голову, я заворуженно смотрел на профиль Чо, не в силах сдержать тихий вздох. Глубоко выдохнув, я осторожно убрал его руку, лежавшую у меня на груди, встал с кровати, накинуд халат и прошел в гостиную. Автоматически взяв со стола пачку, я вытянул сигарету, прикурил и принялся наблюдать за тем, как вьется дым.

— Ханьчэ!

Открыв глаза и не обнаружив Ханьчэ рядом, Чо тут же вышел на поиски. Сегодня Ханьчэ заставил его по-настоящему понервничать. Он не расспрашивал, но это не значило, что ему не было страшно. Когда он нашел его на балконе, его сердце уже было на пределе. Он до смерти боялся, что Ханьчэ исчезнет, когда он не будет смотреть. Он не смог бы вынести и секунды жизни без Ханьчэ!

Присев рядом с Ханьчэ, он вытащил у него из рук сигарету, затушил её и обнял его худощавое тело, потираясь подбородком о его темные волосы. Ханьчэ будто не замечал происходящего, о чем-то глубоко задумавшись. Его взгляд был таким пустым, таким отрешенным, словно он вот-вот растворится в воздухе. Сердце Чо подпрыгнуло к самому горлу. Он снова позвал:

— Ханьчэ, что у тебя на душе? О чем ты беспокоишься?

— Чо? — Я удивился тому, как быстро он появился. Придя в себя после раздумий, я услышал лишь последний вопрос. У меня было много поводов для беспокойства, но я не мог поделиться ими с ним. Я не хотел, чтобы он винил своих родителей. Слегка вздохнув, я ответил: — Я боюсь, что ты уйдешь от меня. Сегодня, глядя на тебя на сцене, такого яркого, такого полного жизни, я вдруг испугался: достоин ли я быть рядом с тобой?

— Ханьчэ, откуда у тебя такие мысли? — Чо крепко взял его за плечи и серьезно, глядя прямо в глаза, произнес: — Это я недостоин тебя. Это я должен беспокоиться. Тебе не о чем волноваться! Больше никогда не смей думать о таком, понял?

— Чо, ты когда-нибудь думал о том, чтобы завести своего ребенка? Родного по крови?

Прости, Чо, я не могу не думать об этом. Я не в силах контролировать свои мысли, но... впредь я больше не буду так думать. Это в последний раз. Глядя на его красивое лицо, я вдруг очень захотел узнать ответ, хотя и понимал, что он может сделать мне больно. Я хотел знать, хочет ли он своего ребенка!

— Никогда не думал, — не задумываясь, ответил он. — Мне достаточно тебя. Правда, клянусь!
— Увидев, что Ханьчэ не просил от его слов, а остался печальным, он поспешно добавил.

— Чо, милый, тебе не нужно бояться, что мне будет больно. Правда. — Я покачал головой. Я верил его клятве, но именно из-за этого доверия мне хотелось услышать самый честный ответ.
— Ответь мне прямо: если бы ты не встретил меня, как бы сложилась твоя жизнь?

— А? — Чо с любопытством посмотрел на него. Его беспокоило такое странное поведение Ханьчэ сегодня. Он слегка нахмурился — за столько лет Ханьчэ никогда не спрашивал об этом, да и сам Чо никогда не задумывался. Но после вопроса Ханьчэ он невольно погрузился в размышления. Через некоторое время он произнес: — Если бы я не встретил тебя тогда, возможно, я бы никогда ни к кому не привязался. Или, может быть, уступил бы воле родителей и нашел бы какую-нибудь женщину, чтобы завести детей. Но могу сказать точно: кроме тебя, с кем бы я ни был, я бы никогда не отдал свое сердце.

Конечно, это я разрушил его жизнь. Если бы тогда я не был так озабочен годовым бонусом и не пытался продать тот набор мебели, возможно, мы бы просто разминулись. Но раз уж я полюбил, раз уж принял его любовь и столько лет наслаждался ею, я был вполне доволен. Я слегка улыбнулся, отгоняя прочь всю печаль, и сказал:

— Чо, если будет следующая жизнь, давай родимся людьми разного пола? Тогда мы сможем завести ребенка, связанного с нами кровными узами. Что скажешь?

— Следующая жизнь? — Чо не согласился с его словами, нахмурившись: — Думаю, будь то прошлая жизнь, нынешняя или любая последующая, я всегда буду любить тебя. Неважно, мужчина ты или женщина, уродлив или прекрасен — я выберу тебя. Только тебя!

— Чо, я люблю тебя!

Я обнял его за шею и прислонился к его плечу, чтобы он не видел слез, выступивших у меня на глазах. Я запомнил его слова. Я не жалею, что полюбил его, и не пожалею, если придется оставить его. Услышав его признание, я почувствовал себя полностью удовлетворенным. Какими бы тяжелыми ни были грядущие дни, сколько бы ненависти мне ни пришлось принять и сколько бы долгов ни пришлось отдать, вспоминая эти слова, я никогда не буду чувствовать себя несчастным. Отдать всё ради любимого человека — это то, чего я желал больше всего.

— И я тебя!

Слов больше не требовалось, главное было сказано.

Кто сказал, что мужчины не плачут? Кто сказал, что мужчинам не положено проливать слезы? Я считаю, что если хочется плакать — надо плакать, именно в этом проявляется истинная натура. Слезы трогательности покатались по щекам. Я посмотрел на него сквозь пелену слез и потянулся к его чувственным губам. С моим поцелуем температура в комнате вновь начала расти.

За окном мерцали звезды, в доме царила пылкая страсть. Какова же ночь? Ночь еще не...

После того как концерт триумфально завершился, у Чо было три свободных дня. Я, конечно же, тоже взял отгул, чтобы провести это время с ним.

Мы заранее запаслись всем необходимым, так что три дня мы не покидали стен дома, тесно переплетаясь друг с другом, остро чувствуя присутствие друг друга. Глядя на красные следы от моих ногтей и укусов на его спине и груди, я смущенно улыбнулся. Похоже, мне стоит поумерить свой пыл, иначе, если кто-то увидит эти отметины на показе Чо, его точно поднимут на смех.

Сегодня утром я проводил Чо. Он улетал за границу, готовится к азиатскому турне, и вернется не раньше чем через неделю. Этой недели мне хватит, чтобы подготовиться к кое-каким делам. Проводив его, я не захотел идти на работу. Я так устал. Чо был слишком неистовым, я был выжат до последней капли и должен был отдохнуть, а он выглядел бодрым и свежим, уходя с довольной улыбкой. При одной мысли об этом я начинал злиться.

Дзынь... дзынь... дзынь...

Только включил телефон, как тут же раздался звонок. Я посмотрел на экран — незнакомый номер, а в журнале вызовов сотни пропущенных, и все с одного и того же номера. В голове что-то щелкнуло. Это она. Как она узнала мой номер? Я колебался довольно долго, и когда телефон зазвонил снова, нажал кнопку ответа:

— Алло...

— Это я, брат. — Хэй Минъюэ с трудом скрывала охватившее её волнение. — Минъян, когда ты вернешься домой? Сестрица так устала ждать твоего звонка, что в конце концов была вынуждена позвонить сама!

— ... — Я горько усмехнулся. Несколько сотен звонков — это называется «вынуждена»? Впрочем, я чувствовал искренность её эмоций. Хотя поначалу мне было трудно принять тот факт, что у меня есть родня, но, увидев её лицо, столь похожее на мое, я в глубине души уже давно смирился. Я вздохнул: — Меня зовут Фэн Ханьчэ, а не Хэй Минъян. Можешь звать меня Хань! — Но ведь... ты и есть Хэй Минян, — ответила она.

Темная Империя — мир, где сплелись воедино тьма и свет. Ее нынешней главой была Хэй Минъюэ. На самом деле это место по праву принадлежало единственному сыну в семье, Хэй Миняну, но неожиданное нападение врагов перечеркнуло всё. В той битве Темная Империя понесла тяжелейшие потери, а тогдашние главы — родители Хэй Минъюэ и Хэй Миняна — погибли на месте. Единственный наследник, Хэй Минян, в той суматохе бесследно исчез. Двенадцатилетней Хэй Минъюэ пришлось вопреки всему взять на себя ответственность за клан и поиски брата. Более двадцати лет она искала хоть какие-то зацепки, управляясь с внутренней борьбой внутри империи. Сколько раз она получала ложные сведения, сколько раз сгорала от разочарования — не сосчитать. И вот теперь, когда она наконец нашла его, как она могла не волноваться? Как могла не ликовать? Как могла не быть счастлива?

— Эх... — от ее невинного тона мое сердце невольно дрогнуло. — Делай что хочешь. Зови как угодно, я не против.

— Ян, я уже подготовила для тебя комнату и всё необходимое. Мы можем в любой момент объявить всему миру, кто ты такой. Тогда ты сможешь заставить всех, кто обидел тебя, упасть на колени и молить о пощаде. Можешь даже убить их, если захочешь. Сейчас все в семье ждут твоего возвращения, все приветствуют тебя. Ян, когда ты планируешь вернуться домой? Хочешь, я заберу тебя завтра? Ой, нет, давай прямо сейчас, хорошо?

Столько лет прошло, и младший брат, который был еще трехлетним малышом, теперь стал взрослым мужчиной. Хэй Миньюэ отчаянно жаждала проводить с ним как можно больше времени. К тому же, по данным расследования, брат полюбил мужчину, а родители этого любовника посмели унижить ее брата. Она не была против его выбора, но не могла допустить, чтобы кто-то унижал ее родную кровь. Поэтому она хотела как можно скорее открыть всем его истинное лицо, заставить обидчиков ползать у его ног, моля о прощении, — никто из них не избежит расплаты!

— Я пока не планирую возвращаться, — дом? Разве можно назвать домом место, где нет Чжо Аочэня? Я отклонил ее любезное предложение, еще не привыкнув к такому напору. — И надеюсь, ты пока не будешь беспокоить меня, хорошо? Сестра.

— Но...

— Никаких но, сестра. — В конце концов, она была моей сестрой, нас связывали глубокие узы крови. Я вынужден был признать это, да и от того, что я назову ее так пару раз, со мной ничего не случится. — Когда придет время, я вернусь. Думаю, это будет нескоро, но не дольше чем через две недели!

За две недели я точно решу все проблемы. Вот только вернусь ли я после этого туда — большой вопрос.

— Ну хорошо! — Она понимала, что нельзя давить слишком сильно, иначе будет обратный эффект: тогда он не то что домой не вернется, а даже видеть ее не захочет. Хотя она согласилась на его временное отсутствие, она не собиралась отказываться от своего плана. — Ян, тогда могу я навещать тебя? Обещаю, не буду докучать, просто хочу видиться!

— ... — Она была и правда довольно навязчивой. Нахмурившись, я устало уставился в потолок. — Нет. Но не волнуйся, я буду каждый день писать тебе сообщения. Правда, я никуда не убегу и не исчезну, твои опасения напрасны.

— Ха-ха... — Хэй Миньюэ неловко рассмеялась в трубку. Она была поражена его проникательностью — он сказал именно то, чего она боялась больше всего. Разве могла она допустить, чтобы брат снова пропал? Если бы не глухомань, где находился детский дом, да еще и этот сумасбродный директор, она бы наверняка нашла Хэй Миняна гораздо раньше. От мысли, сколько времени ушло на поиски, на душе стало горько.

— Я вешаю трубку. Прощай!

Не желая продолжать разговор, я первым сбросил вызов, не дожидаясь ее реакции, и отбросил телефон в сторону. Я лежал на кровати, но былой сонливости как не бывало. Я широко открытыми глазами смотрел в одну точку на потолке, и постепенно та точка превращалась в улыбку Чжо Аочэня.

Время летело быстро, шесть дней промелькнули как один миг. Если не случится ничего непредвиденного, завтра Чжо Аочэнь вернется. А то, что я задумал, всё еще не было улажено. Я постоянно колебался, молил о чуде, но небо не встало на мою сторону — чудо так и не произошло. Тоска и душевная боль не утихали. Кто же может мне помочь? Кто поможет?

Внезапно в голове мелькнула мысль. Точно, он ведь точно сможет мне помочь, он обязательно поможет! Не раздумывая, я набрал его номер:

— Се Цзянь, ты не мог бы приехать?

Закончив разговор, я невольно тяжело вздохнул. Я снова творю зло: одного погубил, теперь гублю другого... Но если я не попрошу его, больше мне не к кому обратиться. Иными словами, я снова использую его чувства ко мне...

— Динь-дон... Динь-дон... Динь-дон...

Через полчаса Се Цзянь пришел, как и обещал. Я открыл дверь, пропустил его внутрь, налил воды и, протягивая стакан, слегка улыбнулся:

— Прости, Се Цзянь, что заставил так спешить.

— Пустяки, мы же свои, — Се Цзянь огляделся, но не увидел Чжо Аочэня, поэтому не удержался и спросил: — А он где?

Этот человек — сплошная ходячая ревность! Как он мог позволить Фэн Ханьчэ остаться наедине с кем-то другим? А под этим другим подразумевался он сам, друг детства, выросший вместе с Фэн Ханьчэ!

— Чжо Аочэня нет, он вернется только завтра. — Просьба жгла горло, я не мог подобрать слов, но и молчать не получалось. Внутри все разрывалось от противоречий — что же делать?

— Фэн Ханьчэ, что-то случилось? — Видя, что лицо его изменилось, а взгляд стал странным, Се Цзянь забеспокоился. Он хотел было коснуться его лба, чтобы проверить температуру, но тут же вспомнил про того ревнивца и подавил свой порыв, хотя глаза все равно выдавали глубокое беспокойство.

— Се Цзянь, можешь оказать мне услугу? — Я поднялся, подошел к панорамному окну и уставился на высокие здания и бесконечный поток машин внизу. Колеблясь, я наконец

решился: — Кроме тебя, мне никто не поможет. Помоги мне, а? Се Цзянь!

Глядя на его одинокую спину, Се Цзянь так хотел прижать его к себе, но не мог. Он лишь постарался сказать как можно спокойнее:

— Фэн Ханьчэ, что же произошло? Это связано с тем, что ты говорил о своих родственниках? На самом деле, если бы ты рассказал ему, думаю, он бы поддержал тебя. Зачем так терзаться?

— Се Цзянь, переспи со мной, ладно?

Как только эти слова сорвались с губ, по щекам покатились слезы. Одному небу известно, как я пришел к такому решению. Чжо Аочэнь обязан возненавидеть меня, а единственный способ добиться этого — предать его любовь. Кто-то другой не подойдет, да и я не смогу. Но если это будет Се Цзянь, может быть, я это вынесу?

— Фэн Ханьчэ, что ты сказал? Повтори еще раз. — Он резко вскочил, и по комнате раздался голос, полный недоверия и шока. Се Цзянь действительно сомневался, не повредился ли Фэн Ханьчэ в уме, раз предложил такую абсурдную идею. Несмотря на всю любовь к нему, он не собирался принимать такие безумные решения.

— Се Цзянь, я хочу, чтобы ты... — Сказать это один раз — уже мучение, второй раз я просто не мог. Я замолчал на полуслове, не в силах повторить.

— Фэн Ханьчэ, это он сделал что-то плохое? Если так, я сам с ним разберусь, зачем же ты так себя унижаешь? Я очень люблю тебя, но никогда не стану пользоваться твоей уязвимостью. — Это было единственное объяснение, которое пришло в голову Се Цзяню: Чжо Аочэнь предал Фэн Ханьчэ, вот тот и придумал такой нелепый способ отомстить!

— Нет, он не делал мне ничего плохого, просто... — Я резко оборвал себя. Нет, я не могу сказать, что встретился с его матерью. Об этом должно знать как можно меньше людей. Пусть боль останется со мной, но Се Цзянь не должен узнать правду. Если он узнает, то и Чжо Аочэнь узнает очень скоро. Я не могу позволить им поссориться из-за меня, иначе я стану вечным грешником в семье Чжо. Я не имею права говорить...

— Ну так из-за чего, говори же! — не выдержал и крикнул Се Цзянь. Его хладнокровие работало только с чужими, но перед Фэн Ханьчэ оно всегда давало сбой. Сейчас он мог лишь нервничать: Фэн Ханьчэ молчал, а он не мог же заставить его говорить силой.

— Се Цзянь, я спрошу только раз: поможешь или нет? Если не хочешь, я найду другого. Не верю, что не смогу никого найти, — я стал тверд в своем решении. Зная, что он не позволит кому-то другому прикоснуться ко мне, я чувствовал себя уверенно. Сегодня он поможет, хочет того или нет!

— Фэн Ханьчэ, если ты не объяснишь толком, я ни за что не помогу, — Се Цзянь тоже проявил твердость. Он не позволит Фэн Ханьчэ так обращаться с собой, даже если тот сам этого хочет.

Столкнувшись с такой непривычной решимостью, я был ошеломлен, но сдаваться не собирался. Рассказать правду я не мог, мысли лихорадочно метались, но так и не нашли идеальной отговорки. В конце концов я бросил:

— Ладно, как хочешь. Не хочешь — не надо, найду другого. Можешь идти!

Я вытер слезы, повернулся и взял телефон, чтобы набрать номер службы эскорта, который давно выучил наизусть. Но он выхватил трубку у меня из рук и положил ее. Я в ярости уставился на него:

— Ты сам не помогаешь и другим не позволяешь! Кто ты такой, чтобы лезть в мои дела?

— Хорошо, я помогу, я помогу! — не выдержал Се Цзянь и крикнул на Фэн Ханьчэ. Когда-то он отступил в борьбе за его сердце, потому что видел, как сильно Фэн Ханьчэ и Чжо Аочэнь любят друг друга. И даже сейчас он был уверен, что они все еще любят. Пусть он не понимал всей сути происходящего, но просто не мог смотреть, как Фэн Ханьчэ бросается в объятия к другим.

Как только он согласился, мое сердце ушло в пятки. Он согласился, но должен ли я радоваться или горевать? Радоваться его согласию? Или горевать о том, что я действительно собираюсь с ним переспать?

<http://bllate.org/book/21153/2144346>